

Граффити авторства Максима «Хадада» Смольникова / Фото из соцсетей Смольникова

10.09.2021, 13:07 Хабаровский край

ИНТЕРВЬЮ

Лайфхак — быть дружелюбным: обвиняемого в оправдании терроризма отпустили из СИЗО

Хабаровского уличного художника и анархиста Максима «Хадада» Смольникова арестовали 11 мая. Его обвинили в оправдании терроризма за пост во «ВКонтакте» почти трехлетней давности о взрыве в УФСБ Архангельска. В 2018 году 17-летний местный житель Михаил Жлобицкий погиб, приведя в действие самодельную бомбу. Уголовные дела за старые обсуждения поступка Жлобицкого **заводят** до сих пор.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

Светлана Гордиенко, жена Смольникова, работает психологом, до ареста Максима не была политической активисткой. На фоне множества уголовных дел за репосты ей удалось организовать достаточно заметную кампанию в поддержку своего мужа, ранее малоизвестного за пределами Хабаровска. Гордиенко общается со СМИ, ведет [телеграм-канал](#) о деле Смольникова. В разных городах проходят пикеты в его поддержку, выпускается мерч. 6 сентября Смольникову смягчили меру пресечения: вместо содержания в СИЗО суд назначил запрет определенных действий. Художнику нельзя выходить из дома ночью и пользоваться интернетом.

Она рассказала ОВД-Инфо, что ФСБ готовит какие-то новые претензии к ее мужу, и поделилась опытом, как взять себя в руки после неожиданного ареста близкого человека.

Светлана Гордиенко и Максим Смольников / Фото из телеграм-канала @freexadad

— Что, как тебе кажется, привело к освобождению Максима из СИЗО? Какую роль сыграла кампания в его поддержку?

Совершенно точно, общественная поддержка работает на Максима, меня и людей, которые о нем заботятся. Важно, что его дело на слуху: в одиночестве все это переживать было бы небезопасно для разума. [Освобождение из СИЗО] мне кажется, связано с несколькими факторами: чисто процессуально было объявлено об окончании следственных действий — немного изменился статус Максима. Также мы официально зарегистрировали брак, теперь просто так говорить о «неглубоких социальных связях» невозможно.

Самый существенный, на мой взгляд, фактор — личность человека, судьи [к которому попало дело].

<https://t.me/freexadad/269>

— Как обстоят дела с **проверкой на экстремизм песни группы «Политзек», выложенной у него «ВКонтакте»?**

Приходит информация, что в Хабаровске сотрудники ФСБ звонят разным людям, приглашают на какие-то опросы о Максиме. Насколько я понимаю, они разворачивают свою машинерию [против Максима], очень заряжены. Я хотела бы обратиться [к читателям из Хабаровска]: если вам звонят и приглашают на опрос по поводу Максима, вы имеете право не соглашаться сразу, а потребовать повестку. Будет время посоветоваться, возможно, пригласить адвоката на этот допрос. Мы готовы помочь. Чтобы не получилось, что человек идет испуганным, неподготовленным и не сориентированным. Подпишет неизвестно что, слова в протоколе появятся не совсем в том виде, как он говорил. Сообщайте нам, чтобы было представление, кого в это все вовлекают. Пока нам известно два случая: одного человека не было в городе, второй не стал разговаривать.

— Опросы связаны с песней «Политзека»?

Предполагаю, что да. Не знаю, что они еще посчитают экстремизмом, или плохим поведением, или дурным

воспитанием. Не знаю, какие еще против нас можно применить статьи из Уголовного кодекса. Они, как крокодил, вцепились в ногу зебры и не хотят отпускать.

— Ты рассказывала смешной эпизод: следователь, который заводил дело, уходя на другую работу, говорил, что «от Смольникова отделался». Почему он был рад выйти из истории с твоим мужем?

Сестра [Максима] принесла [новому следователю] ходатайство о предоставлении свидания. Пока она сидела у секретаря, в соседнем кабинете наш бывший следователь прощался со своими коллегами — его перевели в [следственное] управление — сестра услышала, как он говорил: «От Смольникова я, слава Богу, открестился». В этот момент она уходила от секретаря и поздоровалась с ним. Видимо, дело против Максима — неприятное. Оно — нелепое, любой человек, прочитавший текст [за который Максима обвиняют], скажет, что там нет никакого оправдания терроризма. Это оправдание следствию пришлось выуживать где-то между строк. Особенно это неприятное дело для региональной ситуации, где нет квалифицированных экспертов. Вместо положенной комплексной психолого-лингвистической экспертизы следствие заказало одну экспертизу психологу, другую лингвисту. Это противоречит методике, утвержденной Минюстом, и предписаниям прокуратуры. В чем смысл такой экспертизы? Работает лингвист, работает психолог, и в экспертизе должна быть синтезирующая часть, где они сравнивают, совпадают ли их выводы. У нас в деле две разные экспертизы: психолог ни на какие методики не ориентировалась, написала какую-то... беллетристику. Стыдно такое читать. Лингвист пыталась работать по методике Минюста, но в то же время и по старой методике МВД, которая предполагает, что лингвисту можно работать одному. При этом в лингвистической экспертизе, в том числе, разбирается репост, который Максим давно со свой

страницы удалял — непонятно, когда [силовики] документировали страницу.

— С мая, когда Хадада отправили в СИЗО, стало понятно, в чем причина преследований? Это случайный арест за старый пост о Жлобицком? Почему-то еще?

Остается непонятным. Единственное, что я понимаю — [силовики] очень давно чего-то хотели от Максима.

— До 11 мая, когда арестовали Максима, ты не интересовалась тонкостями экспертных методик Минюста и принципами ведения телеграм-каналов. Как у тебя получилось наладить поддержку мужа?

Самый главный лайфхак и подарок от Максима — что он очень дружелюбный, общительный, поддерживающий человек. Оказалось, что есть много людей, которым он небезразличен. Сама я бы не собралась: ты впадаешь в ужас, первые две недели меня круглосуточно тошнило. Очень важно найти людей, которые будут рядом. Есть много групп, поддерживающих политзаключенных, — например, «Автоном», «Только сами» — люди, которые проходили через что-то подобное. Меня просто подхватили на руки дружелюбные люди, помогли организовать. Я технически не умею делать телеграм-каналы — мне помогли его сделать.

Пикет в поддержку Максима Смольникова возле Казанского собора в Санкт-Петербурге / Фото: Пятница

— Человек, который становится политзаключенным, попадает в странную ситуацию. Государство творит в отношении него произвол, но преследований кругом много. Чтобы получить общественное внимание, приходится доказывать, что посадили хорошего человека. То, что было твоей и Максима частной жизнью, теперь приходится выносить в соцсети, в СМИ. Насколько все это тяжело?

Я соглашусь, что это тяжело. Подключается чувство стыда, неловкости... Но когда ты не знаешь, что делать, начинаешь что-то делать и видишь, что тебя продвигает вперед. Часто это неприятно, но это поведение, направленное на выживание. Хочешь выживать — будешь стараться.

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Дела об «оправдании терроризма» после взрыва в Архангельске

Волна уголовных дел по статье об оправдании терроризма, последовавшая после взрыва в Архангельском ФСБ

5 176

Ещё почитать

28.11.2025 Саха Якутия, Хабаровский край

Якутскую журналистку осудили на три года колонии по делу об оправдании терроризма

05.07.2023 Владимирская область

Владимирца оштрафовали на 200 тысяч рублей по делу об оправдании терроризма